

Избраніе Баторія.

Иванъ еще разъ попытался начать снова эту игру. Однако, на этотъ разъ онъ дѣйствовалъ безъ достаточной ловкости. Очевидно, у него уже мутилось въ головѣ отъ опричины. Онъ принялся писать отдѣльно польскимъ магнатамъ и литовской знати. Однимъ онъ рекомендовалъ Эрнеста, угрожая имъ самой ужасной мекъ, если они будутъ поддерживать султанскаго ставленника (Баторія); другимъ онъ предлагалъ уже самого себя—либо въ качествѣ короля, либо какъ государя, который будетъ владѣть Литвою, уже отдѣленной отъ Польши. Къ сожалѣнію, Новосильцевъ, которому, наконецъ, было разрѣшено ѣхать дальше, еще укрѣплялъ Ивана въ его заблужденіи. Хоткевичъ и Радзивиллъ объявляли московскому послу, что они ни за что не хотятъ избранія «Обатуры». Они объясняли свое голосованіе въ пользу Максимиліана только тѣмъ, что потеряли надежду, видя, что царь ничѣмъ не желаетъ имъ помочь. Иванъ рѣшилъ, что пока еще дѣло въ его рукахъ. Подобная ошибка была вполне извинительна. Уже въ апрѣлѣ 1576 года нунцій Лаурео сообщалъ въ Римѣ, что новые выборы, повидимому, неизбежны вслѣдствіе раздѣленія голосовъ: при такихъ условіяхъ кандидатура московскаго царя имѣетъ всѣ шансы на успѣхъ сравнительно съ Эрнестомъ. Однако, во всякомъ случаѣ, Иванъ и Максимиліанъ не должны были терять драгоценное время. Между тѣмъ, это время шло и шло. Императоръ самостоятельно сносился съ поляками, а царь послалъ въ Вѣну князя Захара Ивановича Сугорскаго для возобновленія можайскихъ переговоровъ. Пользуясь этимъ, Обатура спѣшилъ въ Варшаву, чтобы, наконецъ, принять тамъ корону.

Однако, и это не обезоружило Ивана. Послѣ избранія Баторія онъ предлагалъ императору совмѣстно дѣйствовать противъ похитителя польскаго королевства. Но когда съ Максимиліаномъ начинали рѣчь о Польшѣ, онъ неизмѣнно заговаривалъ о Ливоніи. Послѣ смерти императора, происшедшей въ томъ же году, его преемникъ Рудольфъ

продолжалъ ту же самую тактику. Во всякомъ случаѣ о законномъ избраніи на польскій престолъ теперь уже не приходилось мечтать. Тогда царь опять вернулся къ ливонской проблемѣ, благопріятное рѣшеніе которой казалось ему теперь легче достижимымъ. Конечно, Баторій былъ уже королемъ. Но, какъ Генриху Валуа, ему было слишкомъ много дѣла въ собственномъ государствѣ. Въ Данцигѣ вспыхнулъ мятежъ, такъ какъ этотъ городъ отказывался признать вновь избраннаго короля. Это еще болѣе осложнило положеніе Баторія, между тѣмъ какъ ударъ, нанесенный французскому вліянію въ Варшавѣ, отразился соотвѣтственнымъ образомъ и въ Стокгольмѣ. Иванъ отрѣшился отъ своихъ химеръ: къ нему вернулись его блестящіе способности политика. Теперь онъ положилъ своей задачей—использовать въ своихъ интересахъ создавшуюся конъюнктуру. Годомъ раньше, желая развязать себѣ руки въ Польшѣ, онъ оставилъ въ покоѣ Швецію и заключилъ съ нею довольно странное перемиріе: по его условіямъ, враждебныя дѣйствія сторонъ прекращались только въ Финляндіи и въ Новгородской области. Тотчасъ послѣ этого, собравъ всѣ свои силы въ Ливоніи, Иванъ осадилъ Пернау: то былъ важный стратегическій пунктъ, который былъ предоставленъ Сигизмундомъ-Августомъ для стоянки его корсаровъ. При осадѣ Пернау царь потерялъ 7.000 человекъ. Однако городъ былъ взятъ; та же участь постигла Гельметъ, Ермисъ, Руэнъ и Пуркель. Теперь царь рѣшилъ оставить поляковъ въ покоѣ и вернуться къ своему прежнему плану дѣйствій. Какъ мы помнимъ, онъ состоялъ въ томъ, чтобы прежде всего покончить со шведами. Поэтому Иванъ двинулся въ Эстонію. Въ нѣсколько недѣль, весною 1576 года, ему сдались безъ сопротивленія Леаль, Лоде, Фикель и Гапсаль. Въ послѣднемъ городѣ въ самый день сдачи жители затѣяли игры и танцы. «Что за странный народъ нѣмцы,—говорили русскіе; —если бы мы, русскіе, сдали безъ нужды такой городъ, то не посмѣли бы и глазъ поднять на честнаго человека, а царь нашъ не зналъ бы, и какою казнью насъ казнить». Эзель былъ опустошенъ; Падисъ сданъ послѣ мѣсячной осады; шведы тщетно покушались взять его обратно.

Но скоро всѣмъ этимъ побѣдамъ пришелъ конецъ. Въ 1577 году русскія войска подъ начальствомъ князя М. Ѳ. Мстиславскаго и Шереметева подступили къ Ревелю. Однако, послѣ шестинедѣльной осады имъ пришлось отступить передъ геройскимъ сопротивленіемъ шведовъ. Шереметевъ, обѣщавшій или взять городъ или

погибнуть, былъ убитъ. Очевидно, не такъ-то легко можно было справиться со шведскимъ гостинцемъ: объ него можно было и поломать зубы. Иванъ рѣшилъ, что ему нечего упорствовать. Въ крайнемъ случаѣ, можно было и подѣлиться добычей съ такимъ соперникомъ, который ни за что не хотѣлъ уступить своей доли. Онъ тотчасъ собралъ свои войска въ Новгородъ и самъ повелъ ихъ оттуда въ новый походъ. Однако, не возобновляя неудачныхъ попытокъ взять Ревель, онъ, неожиданно для всѣхъ, обрушился на польскую Ливонію. Здѣсь дѣло пошло, какъ по маслу. За исключеніемъ Риги вся область въ нѣсколько дней оказалась въ рукахъ завоевателя.

Торжество побѣдителя было ужасно. Мстя за свое двойное униженіе подъ Ревелемъ и въ Варшавѣ, Иванъ далъ волю своей ярости. Въ Леневаденѣ онъ приказалъ ослѣпить старика ландъ-маршалка, Каспара фонъ Мюнстеръ; послѣ этого несчастный умеръ подъ плетьюми (*Карамзинъ*, Исторія IX, пр. 465). Другіе военачальники захваченныхъ городовъ подверглись четвертованію, были посажены на колъ или изрублены топоромъ. Въ Апераденѣ, съ одного берега Двины на другой, въ продолженіе 4 часовъ можно было слышать крики 40 дѣвушекъ, которыхъ русскіе насиловали въ саду (*Форстенъ*, Балтійскій вопросъ, I, 697). Новые подвиги Магнуса еще болѣе вывели царя изъ себя. Иванъ уже готовъ былъ заподозрить своего союзника въ тайномъ соглашеніи съ Польшей. Конечно, это свидѣтельствовало о большой прозорливости царя. Впрочемъ, «король Ливоніи» пока еще не дошелъ до такой смѣлости. Онъ видѣлъ просто, что, выбирая между нимъ и царемъ, ливонцы безъ колебанія останавливались на меньшемъ изъ двухъ золъ. Пользуясь такимъ настроеніемъ ихъ, Магнусъ начиналъ дѣйствовать самовластно: ясно, что онъ хотѣлъ создать себѣ положеніе настоящаго короля. Безъ всякихъ приказаній со стороны царя, онъ самовольно занялъ Кокенгузъ, Апераденъ, Леневаденъ, Роннебургъ и Вольмаръ; Дерпту также грозила подобная участь. Магнусъ осмѣлѣлъ до того, что началъ требовать отъ русскихъ не беспокоить его «вѣрноподданныхъ». Онъ дѣйствовалъ точно во снѣ. Но тѣмъ горше было его пробужденіе. Иванъ устремился въ Кокенгузъ, гдѣ предалъ смерти 50 нѣмцевъ изъ свиты «короля». Послѣ этого онъ приказалъ Магнусу немедленно явиться къ нему. «Если не захочешь насъ слушать,—объяснялъ онъ Магнусу,—то мы готовы... Ступай въ свою землю, за море... Приставовъ въ твои городки, сколько Богъ помощи подастъ, пошлемъ, а деньги у насъ—сухари, какіе слу-

чились». Злополучный Магнусъ попробовалъ завязать съ Иваномъ миролюбивые переговоры. Однако, царь велѣлъ высѣчь его пословъ и вновь повторилъ свое приказаніе. На другой день Магнусъ уже былъ у ногъ Ивана. «Глупецъ,—воскликнулъ царь,—бродяга, нищій, принятый въ мое семейство; одѣтый, обутый мною...—ты измѣнилъ мнѣ!» Послѣ этого онъ приказалъ запереть Магнуса подъ стражу и продержать его нѣсколько дней на соломѣ въ какой то лачугѣ. Затѣмъ, оставивъ Ашераденъ, гдѣ войска его чинили указанныя выше насилія, онъ повлекъ его за собою въ Венденъ. Этотъ городъ сдался; защитники крѣпости взорвали себя на воздухъ. Иванъ распорядился посадить на колъ на глазахъ населенія одного изъ знатныхъ плѣнниковъ—Георга Вике. Изъ Вендена вмѣстѣ со своимъ плѣнникомъ онъ тронулся на Дерптъ, который готовился къ не менѣе ужасной участи.

Вопреки ожиданіямъ, Иванъ помиловалъ городъ. Чувствуя въ своихъ рукахъ окончательную побѣду, Иванъ уже готовъ былъ смягчиться. Былъ прощенъ и Магнусъ, которому пришлось помириться всего на нѣсколькихъ небольшихъ городкахъ, предоставленныхъ ему во владѣніе. Зато онъ долженъ былъ заплатить царю 40.000 золотыхъ флориновъ... Однако, у него ничего не было за душою. Скоро послѣдній оплотъ его эфемернаго королевства, Оберпаленъ, оказался въ рукахъ шведовъ. Это было концомъ фантастической исторіи Магнуса. Самъ онъ бѣжалъ, добрался до Пильтена, а затѣмъ со всѣми своими задвинскими владѣніями, которыя принадлежали ему только номинально, передался Баторію. Однако, послѣдній отказался заключить съ нимъ какой-либо окончательный договоръ. Послѣ этого, до само своей смерти въ 1583 году, злополучный «король» влачилъ самое жалкое существованіе. Порою онъ доходилъ до крайней нужды, а иногда опять нѣсколько оправлялся, получивъ помощь то отъ брата своего курфюрста Саксонскаго, то отъ польскаго короля, которые, каждый по-своему, пытались воспользоваться его услугами. Что касается его несчастной вдовы, о которой Фридрихъ II говаривалъ, что ее всегда можно сдѣлать счастливой нѣсколькими кусками сахара и яблокомъ, то она вмѣстѣ съ двухлѣтней дочерью вернулась, наконецъ, въ Москву. Въ царствованіе Теодора обѣ онѣ умерли въ Троицкомъ монастырѣ.

Между тѣмъ, Ивану скоро пришлось убѣдиться, что онъ допустилъ крупную ошибку. Онъ вообразилъ себѣ, что окончательно раздѣлся съ поляками, и что теперь ему остается только сговориться

со шведами. На самомъ дѣлѣ нужно было бы поступить совершенно наоборотъ: первоначальный планъ Ивана оказывался наилучшимъ. Вополнѣ возможно, что Баторій охотно пошелъ бы на миръ съ царемъ. Какъ разъ при вступленіи его на польскій престолъ обнаружился обширный заговоръ—вручить Баторію венгерскую корону (*Szadeczky*, Bathory Istvan въ Szazadok отъ 15 дек. 1886 г. и въ *Ungarische Revue*, апрѣль—май 1887 г.). Конечно, для воеводы трансильванскаго Венгрія съ лихою окупала какую-нибудь Ливонію. Однако, Иванъ лишаль Баторія свободы дѣйствій: онъ вынуждалъ его забыть объ этой соблазнительной перспективѣ въ заботахъ о нападеніи съ Востока, которое новый польскій король не могъ оставить безнаказаннымъ. Иначе его положеніе въ Варшавѣ стало бы совершенно невозможнымъ. Волей-неволей счастливый соперникъ Максимилиана долженъ былъ принять вызовъ, брошенный Москвой. Вотъ почему, обезпечивъ себя со стороны Данцига покореніемъ этого города въ 1577 году, Баторій приготовился бросить на вѣсы судьбы свой мечъ, свой геній и все свое счастье выскочки, добившагося короны.

Можно, до извѣстной степени, оправдывать политику Ивана. Ни въ прошломъ самой Польши, ни въ предшествующей карьерѣ ея новаго короля ничто не предвѣщало того рѣзкаго перехода къ наступательнымъ дѣйствіямъ, съ которымъ это государство обрушилось на державу Ивана IV. Это налетѣло на Грознаго, какъ буря. И случилось оно именно тогда, когда и Москва, и Польша едва только оправлялись отъ пережитой внутренней смуты. Вліяніе этой смуты было, несомнѣнно, весьма значительно. Оно сказалось и на отмѣченныхъ выше перипетіяхъ борьбы, уже шедшей къ концу, и на самой ея развязкѣ. Ниже намъ еще придется коснуться послѣднихъ эпизодовъ этой борьбы. Но прежде необходимо выяснитъ, что ослабляло и, можно сказать, обезоруживало Ивана въ предѣлахъ его собственнаго государства*).

*) Кромѣ источниковъ, указанныхъ въ текстѣ и въ дополненіи къ библиографическимъ указаніямъ предшествующей главы, касающихся исторіи Ливоніи см.: *Fechner*, Chronik der evangelischen Gemeinde in Moscau., Moscau, 1870, *Bienemann*, Aus baltischer Vorzeit, Leipzig, 1870, онъ же: Briefe und Urkunden, Riga, 1865, vol. V; *Karwowski*, De Livonia, Halle, 1870.— По исторіи Швеции за эту эпоху см. *Annerstedt*, Die Begründung der scvedichen Herrschaft in Livland, Stockholm, 1868. *Evers*, Beiträge zur Kenntniss Rus-

slanel, Derpt, 1816, vol. X. — Нѣкоторые документы — въ Древней Русской Вивлиоикѣ, 1891, т. I ч. 2-я. — По исторіи Даніи см. переписку Фридриха II, изданную *Форстеномъ*, Акты и письма къ исторіи балт. вопроса, 1889—93; см. рецензію на это изданіе у *Th. Schiemann*, Historische Zeitschrift, 1890, II, 382; Büschings Magazin, VII, Archiv—Nachrichten von Unterhandlungen zwischen Russ. und Dan. Höfe. — О сношеніяхъ Ивана съ императоромъ: см. Памятники дипломатическихъ сношеній. Спб. I; *Мартець*, Собраніе трактатовъ, I, введение. — О заключеніи Іоанна III см. работу о польскихъ процессахъ изъ дома Ягеллоновъ *Przedziecki*, Краковъ, 1868—78, III, 54 сл. (по польски); *Kraushaar*, Historia prawdziwa. Краковъ, 1892. — О военныхъ дѣйствіяхъ — *Соловьевъ*, Исторія, VI; *Бестужевъ-Рюминъ*, Русская исторія II. — Источники — русскія лѣтописи, Hist. Russiae monumenta, изд. Тургенева I; *Бантышъ-Каменскій*, Переписка между Россіей и Польшею въ 7 т. О-ва Ист. и Др. Drogiel, Codex Diplomaticus, 1758, t. V; *Strijkowski*, Zboir dzieyopisów polskich, I—II, 1766. *Sulicovius*, Commentarius brevis rerum polomicarum, Danzig, 1647, J. *Fletcher*, Russia at the close of XVI Century, London, 1856. — О междоусобицѣ въ Польшѣ — *Трачевскій*, Польское безкоролевіе, М. 1869, I т.; *Уманецъ*, Вырожденіе Польши, Спб., 1872, т. I, ср. статью *Малиновскаго* въ Чтеніяхъ О. И. и Др. VI; *Zakrzewsky*, Dzieje Bezkrólewia... 1574—1575. 1878 Краковъ; *De Noailles*, Henri de Valois et la Pologne, Paris, 3 v. 1867; *Czermak*, Parlamentaryzm litewski, Lemberg, 1 r.; *Reimann*, Die Polnische Königswahl von 1573, Historische Zeitschrift. 1867. *Версбюевскій*, Двѣ кандидатуры на польскій престолъ, Варшава, 1869, 1 т.; *Sza decky* Bathory Istvan, Budapest, 1887. Источники — *Сборники Историческаго О-ва*, LIX и LXXI. Scriptores rerum livonicarum, Riga-Leipzig, 1853—57, v. II; Historica Russiae monumenta, v. I.; *Broel-Plater*—Zbiór Pamiętników, 1858 3 m. Варшава; *Schirren*, Quellen zur Gesch. des Untergangs Livl. Selbständigkeit, Archiv f. d. Gesch. Liv. Estl. u. Curl., Reval, 1883—85; Mittheilungen aus des livl. Gesch., Riga, 1847—58, III.; Beiträge zur Kunde Est. Livl. u Curl., Reval, 1868—*Kelch* Liefländische Historia, Reval, 1695